

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА ЛИТИНСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5901-7187; litgenia@yandex.ru

РОМАН «ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ» АПУЛЕЯ В ПЕРЕВОДЕ М. КУЗМИНА: ЯЗЫК И СТИЛЬ

А н н о т а ц и я . Впервые предпринята попытка сравнительно-сопоставительного анализа перевода М. Кузмина с латинским оригиналом. Цель исследования – рассмотреть отдельные фрагменты латинского текста, представляющие трудности для переводчиков. Фокусируется внимание на особенностях передачи метафор, эпитетов, эпических формул, сравнений и риторических приемов. Для выявления совпадений и различий, для прояснения переводческой манеры Кузмина приводятся предшествующие переводы римского романа, выполненные Е. Костровым и Н. Соколовым. В результате делается вывод о самобытности вариации Кузмина. Перевод не опирается на существовавшие ранее переводы, отражает своеобразие языка и стиля римского автора и, главное, не теряет своей актуальности. Автору удалось выдержать баланс в сохранении черт подлинника и понятности современному читателю. Таким образом, доказывается, что Кузмин осуществил значительный шаг вперед в методике перевода античных текстов. Он при безусловно антиковедческом подходе делает установку на читательское восприятие.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Гомер, Костров, Соколов, Гнедич, Минский, метафора, эпитет, перевод, риторический прием, античность

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00423 (<https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Литинская Е. П. Роман «Золотой осел» Апулея в переводе М. Кузмина: язык и стиль // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 46–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1092

ВВЕДЕНИЕ

Роман Луция Апулея «Золотой осел, или Метаморфозы» трижды переведен на русский язык. Первый перевод был выполнен переводчиком «Илиады» (1787) Е. И. Костровым в 1780 году¹. Второй перевод 1895 года принадлежит Н. В. Соколову. Русскому читателю текст Апулея в первую очередь известен в вариации М. А. Кузмина.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления переводческого наследия Михаила Алексеевича Кузмина, в частности переводов античных авторов, что позволит дополнить представления о его переводческой стратегии, достаточно глубоко проанализированной в связи с его новоевропейскими переводами².

Несмотря на то что перевод Кузмина неоднократно признавался лучшим, отдельного исследования, посвященного анализу переводческой манеры при работе с латинским текстом, нам найти не удалось. Цель настоящего исследова-

ния – рассмотреть отдельные фрагменты латинского текста, представляющие трудности для переводчиков. При анализе перевода Кузмина мы обращаемся к вариантам его предшественников для выявления совпадений, различий, для прояснения переводческой манеры автора.

* * *

Обращение Кузмина к прозе Апулея было неслучайным. Пришло время «уподобиться Апулею», как мечтал он ранее³. В 1930-е годы переводческая деятельность стала единственно возможной формой литературного творчества для Кузмина. В 1929 году перевод был опубликован в издательстве «Academia» под редакцией А. И. Пиотровского, открывшего большую серию переводов античной литературы. В дальнейшем состоялись многочисленные переиздания, которые, однако, сопровождались переработкой перевода. Текстологическая проблема заключа-

ется в том, что вне редакторских правок перевод Кузмина неизвестен. Мы работаем с изданием 1988 года из серии «Библиотека античной литературы», подготовленным М. Л. Гаспаровым⁴.

Римский философ-платоник, биография которого связана с Александрией, эллинистическим миром, был среди дорогих и любимых авторов Кузмина. Он признавался: «...обожаю Апулея»⁵, ему он посвятил стихотворение «Апулей» (1908). На прозу Апулея как стилистически образцовую ссылается Кузмин в своей статье «О прекрасной ясности. Заметки о прозе» (1910). Мотивами Апулеевых «Метаморфоз» навеяна одна из частей «лирической поэмы для музыки с объяснительной прозой в трех частях» «Лесок» (Пг., 1922).

Согласно современной трактовке, роман Апулея – «первый опыт изображения не только физической метаморфозы, но и радикального изменения человеческой души» [11: 72]. В основе романа лежит архаико-мифологическая сюжетная схема «смерть – схождение в ад – воскресение»: метаморфоза Луция в осла, его похождения, движимые сюжетобразующим любопытством, знакомство с примерами людской порочности и обретение прежнего человеческого образа благодаря покровительству богини Исиды в мистическом финале⁶. По мнению М. Н. Климовой, «пафос духовного возрождения в завершающей книге романа» «оказался интимно близок переводчику» [11: 74]. Согласно утверждению Н. А. Богомолова, ядро творческой личности Кузмина – жажда воскрешения [7: 52].

Язык Апулея отличает лексическое и стилистическое разнообразие. Роман «Золотой осел» изобилует синонимами, архаизмами, просторечиями, неологизмами, а также заимствованиями из греческого языка. Апулей обильно использует метафоры, эпитеты (в том числе формульные), иронию, игру слов, пародию, сравнения (в том числе мифологические), аллегории. Для усиления комического эффекта автор обращается к разнообразным риторическим приемам. Он умело обыгрывает литературную традицию⁷. Перед переводчиком стоит задача отразить характерные черты идиостиля римского автора.

Апулей, описывая плодовитость матроны Плотины, использует метафору из военной области «decimo partus stipendio» (Met. 7, 6)⁸, букв. «десятью годами военной службы деторождения»⁹, которая не воспроизводится Кузминым в полном объеме¹⁰: «десятым залогом супружества». Костров и Соколов используют перифразу: «десятым от бремени своего разрешением» и «десять раз разрешившись от бремени». Успешнее справляются переводчики с метафорой «ad

hilarem lasciviam» (Met. 2, 17), букв. «для веселого распутства» – «для радостного наслаждения» (Кузмин), «для любовных утех» (Костров), «для веселой войны» (Соколов).

Образное словосочетание «morsicantes oculi» (Met. 2, 10), букв. «пожирающие глаза»¹¹ (причастие *morsicans* от *morsico* ‘щурить’ или ‘мигать, подмигивать’, именно в таком значении употребляется у Апулея¹²; усилительный глагол к *mordeo* ‘кусать, грызть, пожирать’) Кузмин эквивалентно переводит как «лукавый взор». В тексте Кострова эпитет опущен, а Соколов использует описательное выражение «злые глаза, которые, казалось, умели кусаться».

«Divina praesagia», букв. ‘божественные предзнаменования’ (Met. 9, 34) переведено Кузминым с усилением, как «зловещие предзнаменования». Костров вновь пропускает определение. Перевод Соколова близок варианту Кузмина: «грозное предзнаменование».

Словосочетание «equus perfidus» (Met. 3, 27), букв. ‘вероломный конь’ эквивалентно переведено Кузминым как «неверный конь». Перевод совпадает с вариантом Кострова. Перевод Соколова дальше отстоит от латинского текста и стилистически снижен: «неблагодарная скотина».

Интертекстуальность повествования Апулея отмечена сильным эпическим компонентом. Так, он использует постоянный гомеровский эпитет при описании Зевса «caeruleum supercilium» (Met. 6, 7), букв. ‘темного цвета бровь’. Ср. «Ἦ καὶ κυανέησιν ἐπ’ ὀφρύσιν νεφέε Κρονίων» (Il, 1, 528)¹³ в переводе Н. Гнедича: «и во знаменье черными Зевс помавает бровями»¹⁴. Кузмин учитывает значение «caeruleum» (от *caelum* ‘небо’) – синий, лазоревый, лазурный, голубой, темно-зеленый: «сизые брови Юпитера». По словарю В. Даля, «сизый – темный, черный с просинью и белесоватым, голубоватым отливом»¹⁵. Костров вновь не отражает эпитет и меняет образность: «Юпитер веселым мановением». Соколов прилагательное «caeruleus» передает метафорически «грозная бровь».

Сохраняет Кузмин постоянный эпитет Фив «Thebae heptapylos» (Met. 4, 9) – «семивратные Фивы», так же у Соколова. Костров эпитет опускает.

Эпическое сравнение коня, приводимое Апулеем в сопоставлении с наивным образом «свободного осла» (лат. «*liber asinus*») Кузмин переводит «свободный ослик», усиливая комизм, восходит к «Энеиде» Вергилия (11, 492–497):

«Nec elatis in altum vastis pectoribus arduus capite et sublimis vertice primoribus in me pugillatur unguis, ille terga pulposis torulis obesa convertens postremis velitatur calcibus, alius hinnitu maligno comminatus remulsis

auribus dentiumque candentium renudatis asceis totum me commorsicat» (Met. 7, 16). Буквальный перевод: 'Тот, подняв в высоту огромную грудь, высоко поднимающий голову и вытягивающий шею, брыкает меня передними ногами, другой, повернувшись тучной задней частью с мясистыми мускулами, бьет задними копытами, третий, угрожающий злобным ржанием, прижав уши и обнажив плотничьи топоры белых зубов, разрывает меня всего'.

В переводе Кузмина сохраняется во многих случаях порядок слов оригинала. Повторяющиеся конструкции с творительным самостоятельным последовательно переведены деепричастными оборотами.

«Тот, вздыбив в высоту могучую грудь, подняв голову, вытянув шею, поражает меня передними ногами, другой, повернувшись ко мне тучным крупом с мясистыми мускулами, наносит удары задними копытами, третий, грозя злобным ржанием, прижав уши, оскалив ряд белых зубов, принялся меня кусать»¹⁶.

Несколько смягчает Кузмин эпический компонент за счет употребления разговорной лексики: «принялся меня кусать» вместо «разрывает меня всего». Образное сравнение «*dentiumque candentium asceis*» (букв. 'плотничьи топоры белых зубов') заменено с упрощением на «ряд белых зубов».

Костров и Соколов, скорее, пересказывают фрагмент, дополняя свои переводы избыточными эпитетами и лексическими вставками¹⁷.

Обвинительная речь Луция-осла против развратной жены мельника выстраивается с использованием риторических приемов, что добавляет комичности повествованию. У Апулея жена мельника «*deterrima coniuga*», букв. 'ужаснейшая супруга', «*nequissima femina*», букв. 'негоднейшая женщина', а далее идет пассаж, в котором есть и аллитерация (s, v, x, p, t), и ассонанс (ae, e, a), и асиндетон, и синтаксический параллелизм [10: 178]:

«...*saeva scaeva viriosa ebriosa pervicax pertinax, in rapinis turpibus avara, in sumptibus foedis profusa, inimica fidei, hostis pudicitiae*» (Met. 9, 14), букв.: '...злая, неуклюжая, сильная, пьянствующая, упрямая, скупая, в гнусных хищениях жадная, в отвратительных тратах щедрая, ненавистная верности, враг скромности'.

Кузмин допускает одну замену («до мужчин охочая» вместо «*viriosa*» – 'сильная, мощная'), убирает два финальных определения (возможно, перед нами правка редактора издания А. Пиотровского), сохраняет образность и передает элементы риторической стилистики:

«...злая, шальная, до мужчин охочая, до вина падкая, упорная, непокорная, в гнусных хищениях жадная, на глупые издержки щедрая»¹⁸.

Воспроизведены фонетические особенности подлинника через повторы звуков *z, sh, zh, n, t* и созвучия *a, ya, e*, а также синтаксическая структура.

Предшествующим переводчикам не удается передать все тонкости латинской фонетики и синтаксиса:

«...злобна, свирепа, завистлива, бесстыдна, невоздержна, клятвопреступна, сребролюбива, хищница чужих имений, скупа, но расточительна для удовлетворения своих подлых вожеланий; враг верности и целомудрия»¹⁹ (Костров); «...лукавая, свирепая, вечно пьяная, упрямая, готовая на любое воровство, мотовка, когда дело касалось постыдных и гнусных расходов»²⁰ (Соколов).

Апулей часто обращается к пародии. Пародирует героический эпос, например, при описании совета богов (Met. 6, 23) или в эпизоде рассказа разбойников о подвигах (Met. 4, 8–22). В традициях школьной риторики [10: 171] карикатурно описывается лысая Венера:

«...*licet illa caelo deiecta, mari edita, fluctibus educata, licet inquam ipsa Venus fuerit, licet omni Gratiarum choro stipata et toto Cupidinum populo comitata et balteo suo cincta, cinnama flagrans et balsama rorans, calva processerit, placere non poterit nec Vulcano suo*» (Met. 2, 8), букв. 'пусть она с неба сошедшая, морем рожденная, волнами напитанная, пусть, я говорю, она будет самой Венерой, пусть окруженная всем хором Граций и сопровождаемая целой толпой Купидонов и поясом своим опоясанная, корицей пылающая и бальзам источающая, если плешивая она появится, то не сможет понравиться Вулкану своему'.

Кузмин максимально близок образности оригинала, стремится сохранить синтаксическую структуру и даже порядок слов:

«...пусть будет с неба сошедшая, морем рожденная, волнами ласкаемая, пусть, говорю, будет самой Венерой, хором граций сопровождаемой, толпой купидонов сопутствуемой, поясом своим опоясанной, киннамом благоухающая, бальзам источающая, – если плешива будет, даже Вулкану своему понравиться не сможет»²¹.

Как видим, допущена лишь одна замена, добавляющая эмоциональности: «*fluctibus educata*» (букв. 'волнами напитанная') переведено «волнами ласкаемая».

Переводы Кострова и Соколова этого эпизода тождественно не воспроизводят оригинал²².

Как видим, из трех проанализированных переводов Апулея лишь у Кузмина сохранен идиостиль оригинала: в большинстве случаев воспроизведены метафоры, эпитеты, риторические фигуры, синтаксис и частично фонетика.

Экспериментальный перевод Кострова, несмотря на то что является «тяжеловесной версией»

[13: 684] латинского оригинала, стал необходимой вехой в становлении русского романа, ориентированного на европейские образцы. В переводе отражен еще зыбкий баланс между «старыми» и «новыми» элементами в русском языке XVIII века. Филологический подход к переводу очевиден в комментариях, которыми Костров снабдил текст. Перевод отличает опущение эпитетов.

Вариант Соколова при очевидном стремлении к верности воспроизведения оригинала описателен, отклонен от стилистических маркеров латинского текста.

Практически сразу же по завершении перевода Апулея Кузмин обращается к гомеровскому тексту²³. Перевод эпизода «Прощание Гектора с Андромахой» из «Илиады» Гомера был опубликован в журнале «Звезда» (1933. № 6. С. 69–74) и стал последней прижизненной печатной работой Кузмина. Публикацию сопровождало авторское предисловие «Несколько слов о переводе», в котором обосновывался подход к новому переводу античного эпоса²⁴. Приведем несколько отрывков, важных для понимания переводческой стратегии Кузмина.

Во-первых, в отличие от своих предшественников, переводчиков «Илиады» гексаметрическим стихом Н. Гнедича (1829) и Н. Минского (1896), Кузмин обильно использует спондеи. Опираясь на достижения традиции, он развивает русский гексаметр. М. Л. Гаспаров так отзывался о метрике Кузмина: «...самый свободный из известных [ему] гексаметров, в нем не только дозволено анапестическое начало и неоднократные хорей на 5 стопе, но и многочисленные пропуски на стяженных стопах» [8: 220]. Вторая техническая характерная черта – двойные ударения в сложных словах и именах (Андро-маха, златокудрий). Стилистическое своеобразие перевода заключается в преднамеренном отказе от церковнославянизмов как «чистейшей абстракции»²⁵, к которым Кузмин относит, например, «лилейнораменные». Он пишет:

«Для меня же “Илиада” – живой и простой рассказ о племени и людях, все благородство и “царственность” которых заключается в их органичности, свободе и простоте, как движения полинезийских дикарей. Мне хотелось достигнуть простоты, торжественности и суровой нежности, достойных этих органических культур»²⁶.

Как близок Кузмин-переводчик в восприятии поэзии Гомера В. А. Жуковскому:

«Перевод Гомера не может быть похож ни на какой другой. Во всяком другом поэте, не первобытном, а уже поэте-художнике, встречаешь беспрестанно с естественным его вдохновением и работу искусства. Какая отделка в Виргилии; сколько целых страниц, где всякое слово живописно поставлено на своем месте и сколько

отдельных стихов, поражающих своей особенною прелестью. В Гомере этого искусства нет; он младенец, постигнувший все небесное и земное и лепечущий об этом на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, светлая река без волн, отражающая чистое небо, берега, и все что на берегах живет и движется; видишь одно верное отражение, а светлый кристалл отражающий как будто не существует»²⁷.

Наиболее показательно в этом отношении то, как Кузмин передает сложные эпитеты, характерные для гомеровского повествования. Отметим некоторые из них в сопоставлении с вариантами Е. Кострова (1787)²⁸, Н. Гнедича (1826)²⁹ и Н. Минского (1909)³⁰. Эпитет троянок «εὐπλόκαμοι» (П. 6. 380)³¹, букв. ‘с красиво заплетенными волосами’ Кузмин переводит «кудрявые». Ср. с заменой у Гнедича: «благородные». Костров и Минский опускают лексему. Определение улиц «εὐκτίμενοι» (П. 6. 391), букв. ‘хорошо построенный, благоустроенный’ передано Кузминым как «по богато застроенным улицам». Ср. с архаизирующим переводом Гнедича: «по хорошо устроенным стогнам». Минский переводит так: «среди красиво обстроенных улиц». У Кострова определение отсутствует. Кузмин передает формульный эпитет Зевса «αἰγίοχος» (П. 6. 420), букв. ‘щитодержец’ как «эгидодержавный». Здесь мы видим совпадение с переводом Минского, что, возможно, указывает на заимствование. Стилистически нейтральный вариант читаем у Гнедича: «великий». Костров определение вновь опускает. Определение Ахилла «ποδάρκης» (П. 6. 424), букв. ‘крепконогий, быстроногий’ точно переведено у Кузмина «быстроногий». Ср. с архаизирующим распространением Гнедича: «быстроногий ристатель». У Минского и Кострова эпитет отсутствует. Эпитет кормилицы «εὐζώνος» (П. 6. 467), букв. ‘красиво подпоясанная’ Кузмин передает описательно: «в одежде прекрасной». Ср. «пышноризая» у Гнедича и «пышно одетая» у Минского. У Кострова эпитет не переведен.

Дальнейший анализ формульных эпитетов показывает, что Кузмин избегает тяжеловесных, архаичных форм, характерных для перевода Гнедича, и делает опору на эмоциональность. Он предельно эквивалентно передает гомеровский текст, однако в некоторых случаях трансформирует его, делая более близким, понятным, живым для современного читателя. Неслучайно в статье «Эмоциональность как основной элемент искусства» (1922) Кузмин пишет, что «главная задача поэта – вернуть словам их первобытную чистоту и значимость»³². Таким образом, перевод Кузмина может быть соотнесен с полным переводом «Илиады» В. Вересаева, выполненным

в 40-х годах XX века и также ориентированным на преодоление языкового и культурного барьера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В дневнике от 24 мая 1929 года Кузмин критически оценивал свой перевод: «Смотрел сегодня мой перевод Апулея, все-таки очень тяжело и претенциозно». Однако проведенный сравнительно-сопоставительный анализ убеждает нас в обратном. Перевод самобытен в силу сохранения апулеевской образности, создан без опоры на предшествующие варианты, адекватен подлиннику, отражает особенности языка и стиля римского автора и, главное, не потерял своей

актуальности. Выдержан баланс в сохранении черт подлинника и близости, понятности современному читателю. Аналогичный подход использует Кузмин и при переводе отрывка из Гомера. Он наставлял: «...о каждом предмете, о всяком времени, эпохе следует говорить подходящим языком»³³. Таким образом, Кузмин совершает значительный шаг вперед в методике перевода античных текстов. При безусловно антиковедческом подходе к переводам он, однако, сосредоточен на читательском восприятии. При всей сложности античного источника переводчик сделал его понятным, звучащим в современной культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее о переводе Кострова см.: [3].
- ² См. подробнее: [4], [5], [9], [14], [15].
- ³ В письме Чичерину от 13 января 1897 года Кузмин пишет: «Но я положительно безумую, когда только касаюсь веков около первого; Александрия, неоплат<оники>, гностики, императоры меня сводят с ума и опьяняют, или скорее не опьяняют, а наполняют каким-то эфиром; не ходишь, а летаешь, весь мир доступен, все достижимо, близко. Пусть мне будет прощено, если я самомнителен, но я чувствую, что рано или поздно могу выразить это и хоть до некоторой степени уподобиться Валентину и Апулею. Для одного этого можно пережить не одну, а 3 жизни. Может быть, и не только для этого». Цит. по: [6: 61].
- ⁴ Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения: Пер. с лат. [Состав и науч. подгот. текста М. Гаспарова; Вступ. ст. Н. Григорьевой; Коммент. М. Гаспарова и др.]. М.: Худож. лит., 1988. 399 с.
- ⁵ Письмо В. В. Руслову от 8–9 декабря 1907 г. Цит. по: [7: 210].
- ⁶ См. подробнее: [16].
- ⁷ См. подробнее: [1], [2], [12], [17].
- ⁸ Текст Апулея приводится по изданию: Apuleius. The Golden Ass, being the Metamorphoses of Lucius Apuleius / Translator Stephen Gaselee. London: William Heinemann; New York: G. P. Putnam's Sons, 1915 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:2008.01.0502> (дата обращения 11.06.2024).
- ⁹ Здесь и далее за исключением одного буквальный перевод латинского оригинала на русский язык выполнен автором статьи.
- ¹⁰ Согласно словарной статье, *stipendium* – солдатское жалование, оклад, военная служба, военный поход, подвиг, налог, взнос, возмездие. См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: Около 50000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. С. 954–955.
- ¹¹ Перевод А. И. Любжина.
- ¹² Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь... С. 649.
- ¹³ Цит. по: Homeri Ilias. (Rec. M. L. West). Stuttgartiae; Lipsiae: Teubner. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1998. Vol. 1. Rhapsodias I–XII continens. 434 p.
- ¹⁴ Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича; [Предисл. И. Шталь]. М.: ГИХЛ, 1960. С. 31.
- ¹⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866. Ч. 4. С. 166.
- ¹⁶ Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения... С. 218.
- ¹⁷ Перевод Кострова: «Один ставши на дыбы, и притом поднимая гордую свою грудь бьет меня передними ногами, другой обративши ко мне тучный зад, ударяет меня копытами с удивительным искусством, третий наконец злостным и свирепым ржанием устрашал меня, и опуствя уши терзает мои бока и спину изошренными зубами» (Луция Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой осел: В 2 ч. / Перевел с латинского Императорского Московского университета бакалавр Ермил Костров. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. Ч. 2. С. 81). Перевод Соколова: «Один гордо поднял кверху свою широкую грудь и красивую голову, стал на дыбы и с размаху ударил меня передними копытами. Другой повернулся ко мне задом, жирным и сильным, благодаря овсу и ячменным хлебам, ударил меня задними копытами. Третий напугал меня бешеным ржанием, опустил уши, обнажил острые блестящие зубы и стал больно, больно меня кусать» (Апулей. Золотой осел / Пер. с лат. Н. М. Соколова. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1895. С. 144).
- ¹⁸ Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения... С. 250.
- ¹⁹ Луция Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой осел... С. 184.
- ²⁰ Апулей. Золотой осел / В переводе Н. Соколова... С. 192.
- ²¹ Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения... С. 129.
- ²² Перевод Кострова: «то, хотя бы она была небожительница, или богиня рожденная в море и воспитанная в волнах, хотя бы, говорю была бы сама Венера, сопутствуема грациями и купидонами, украшена притом волшебным своим поясом, (в) дышущая некотором и бальсамом, не могла бы однако при такой головы сво-

- ей нагоде понравиться и самому Вулкану» (Луция Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой осел... Ч. 1. С. 52). Перевод Соколова: «Пусть сошла она с неба, родилась в море, вскормлена пеной волн, – пусть она, говорю я, будет самой Венерой и явится в сонме всех своих Граций, в сопровождении всех своих Купидонов, в своем волшебном поясе, в благовонных струях киннамона и бальзамических ароматов, – но с плешью она не понравится даже Вулкану!» (Апулей. Золотой осел / Пер. с лат. Н. М. Соколова... С. 26).
- ²³ Вернемся вновь к воспоминаниям В. Н. Петрова: «Я часто слышал от Михаила Алексеевича, что в течение всей жизни, никогда не разочаровываясь, он любил то, что полюбил еще в детстве – Пушкина, Гете, “Илиаду” и “Одиссею”, исторические хроники Шекспира». Цит. по: [6: 281]. Потому неудивительно, что к любимым авторам Кузмин обращается и в переводческой деятельности.
- ²⁴ Свои взгляды на перевод Кузмин последовательно излагает и в предисловиях к своим переводам трагедий Шекспира (Кузмин М. От переводчика <<Трагедии В. Шекспира “Король Лир”>> // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 515–516), в рецензиях на переводы (Кузмин М. Рецензия на книгу «Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков» // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 392–393; Кузмин М. Рецензия на перевод Зинаиды Ц. «Из Мюссе и Верлена» // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 80–83).
- ²⁵ Кузмин М. Несколько слов о переводе <отрывка из «Илиады» Гомера> // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 514.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Письмо В. А. Жуковского от 5 (17) декабря 1844 года А. П. Елагиной цит. по: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852. М.: Знак, 2009. С. 525–526.
- ²⁸ Гомерова Илиада / Пер. Ермилом Костровым. СПб.: Типография Шнора, 1787. 210 с.
- ²⁹ Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедич; Под ред. И. М. Троцкого при участии И. И. Толстого. М.; Л., 1935. 694 с.
- ³⁰ Гомер. Илиада Гомера / Пер. [и предисл.] Н. М. Минского. М.: К. Т. Солдатенков, 1896. 416 с.
- ³¹ Текст «Илиады» приводится по изданию: Homeri Ilias. (rec. M. L. West). Stuttgartiae; Lipsiae: Teubner. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Vol. 1. Rhapsodias I–XII continens. 1998. 434 p.
- ³² Кузмин М. Эмоциональность как основной элемент искусства // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 377.
- ³³ Кузмин М. О прекрасной ясности // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альмова Е. В. Сократ во Второй софистике: Апулей «Метаморфозы» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 3. С. 176–181.
- Ахунова (Левинская) О. Л. «Милетская разнузданность» в романе Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX (1) (чтения памяти И. М. Троицкого): Материалы Международ. конф., проходившей 20–22 июня 2016 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2016. С. 35–47.
- Ахунова О. Судьба Апулея в России: Ермил Костров, переводчик «Золотого осла» // Cultures, Epochs, Ideas, Styles. A Festschrift for Aza Takho-Godi's 100th Birthday. Berlin: Peter Lang, 2023. S. 167–179.
- Багно В. Е., Сухарев С. Л. Михаил Кузмин – переводчик // XX век. Двадцатые годы: Из истории международных связей русской литературы. СПб.: Наука, 2006. С. 147–183.
- Богомолов Н. А. Из истории переводческого ремесла в 1930-е годы (М. А. Кузмин в работе над «Дон Жуаном» Байрона) // Русская литература. 2013. № 3. С. 42–84.
- Богомолов Н., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова, 2007. 560 с.
- Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: НЛЮ, 1995. 368 с.
- Гаспаров М. Л. О нем. Для него: Статьи и материалы. М.: НЛЮ, 2017. 720 с.
- Горбунов А. Н. Кузмин, переводчик Шекспира // Шекспир У. Пьесы в пер. М. Кузмина. М.: Московский рабочий, 1990. С. 5–14.
- Захарова Е. А. Способы создания комического эффекта в романе Апулея «Метаморфозы» // Philologia Classica. 2007. № 7. С. 165–180.
- Климова М. Н. Апулей – Кузмин – Бахтин: Метаморфозы сюжета, героя, судьбы // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 70–76.
- Левинская О. Л. Лукиан и Апулей во взаимном отражении // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. Вып. 14. С. 189–197.
- Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. 1008 с.
- Пильшиков И. А. Традиции «русского петраркизма» и сонеты Петрарки в переводе М. Кузмина // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда. СПб.: Реноме, 2015. С. 139–157.
- Сердечная В. В., Жаткин Д. Н. Переводческие стратегии М. Кузмина при переводе Шекспира // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 3. С. 269–290.
- Murgatroyd P. The ending of Apuleius' *Metamorphoses* // Classical Quarterly. 2004. № 54 (1). P. 319–321.

17. Zimmerman M. Echoes of Roman satire in Apuleius' *Metamorphoses* // *Desultoria scientia. Genre in Apuleius' Metamorphoses and related texts*. Leuven; Paris; Dudley: Peeters, 2006. P. 87–104.

Поступила в редакцию 30.08.2024; принята к публикации 23.09.2024

Original article

Evgenia P. Litinskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5901-7187, litgenia@yandex.ru

MIKHAIL KUZMIN'S TRANSLATION OF APULEIUS' NOVEL *THE GOLDEN ASS*: LANGUAGE AND STYLE

Abstract. This study marks the first attempt to perform a comparative analysis of Mikhail Kuzmin's translation of Apuleius' novel *The Golden Ass* and the original Latin text. The objective of this research is to examine specific passages from the Latin text that pose challenges for translators. The analysis emphasizes the nuances involved in conveying metaphors, epithets, epic formulas, similes, and rhetorical devices. To explore similarities and discrepancies and to illuminate Kuzmin's translation style, the study also references earlier translations of the Roman novel by E. Kostrov and N. Sokolov. The findings indicate the uniqueness of Kuzmin's translation. It stands apart from prior interpretations, showcasing the distinctiveness of the Roman author's language and style while remaining relevant to contemporary readers. Kuzmin successfully strikes a balance between preserving the characteristics of the original text and ensuring its accessibility for modern audiences. Ultimately, this research demonstrates that Kuzmin made a noteworthy advancement in the methodology of translating ancient texts. Despite taking quite academic approach drawing upon antiquity studies, his work prioritizes the reader's perception.

Key words: Homer, Kostrov, Sokolov, Gnedich, Minsky, metaphor, epithet, translation, rhetorical device, antiquity

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

For citation: Litinskaya, E. P. Mikhail Kuzmin's translation of Apuleius' novel *The Golden Ass*: language and style. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):46–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1092

REFERENCES

1. Alymova, E. V. Socrates in the Second Sophistic: Apuleius' *Metamorphoses*. *RCAH Review*. 2015;16(3):176–181. (In Russ.)
2. Ahunova (Levinskaya), O. L. "Miletus' dissoluteness" in Apuleius' novel *Metamorphoses, or The Golden Ass*. *Indo-European language studies and classical philology – XX (1) (Readings in memory of I. M. Tronsky): Proceedings of the international conference, 20–22 June 2016*. (N. N. Kazansky, Ed.). St. Petersburg, 2016. P. 35–47. (In Russ.)
3. Ahunova, O. The fate of Apuleius in Russia: Ermil Kostrov, a translator of *The Golden Ass*. *Cultures, Epochs, Ideas, Styles*. A Festschrift for Aza Takho-Godi's 100th Birthday. Berlin, 2023. P. 167–179. (In Russ.)
4. Bagno, V. E., Sukharev, S. L. Mikhail Kuzmin as a translator. *The XX century. The 1920s: From the history of international relations of Russian literature*. St. Petersburg, 2006. P. 147–183. (In Russ.)
5. Bogomolov, N. A. From the history of translation trade in the 1930s (M. A. Kuzmin's work on Byron's *Don Juan*). *Russian Literature*. 2013;3:42–84. (In Russ.)
6. Bogomolov, N. A. Malmstad, J. Mikhail Kuzmin: Art, life, era. St. Petersburg, 2007. 560 p. (In Russ.)
7. Bogomolov, N. A. Mikhail Kuzmin: Articles and materials. Moscow, 1995. 368 p. (In Russ.)
8. Gasparov, M. L. About him. For him: Articles and materials. Moscow, 2017. 720 p. (In Russ.)
9. Gorbunov, A. N. Kuzmin, a translator of Shakespeare. *Shakespeare, W. Plays translated by M. Kuzmin*. Moscow, 1990. P. 5–14. (In Russ.)
10. Zakharova, E. A. Methods of creating a comic effect in Apuleius' novel *Metamorphoses*. *Philologia Classica*. 2007;7:165–180. (In Russ.)
11. Klimova, M. N. Apuleius – Kuzmin – Bakhtin: *Metamorphoses of plot, character, destiny*. *Siberian Journal of Philology*. 2011;4:70–76. (In Russ.)
12. Levinskaya, O. L. Lucian and Apuleius in mutual reflection. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2011;14:189–197. (In Russ.)
13. Nabokov, V. Notes on *Eugene Onegin* by Alexander Pushkin. Moscow, 1999. 1008 p. (In Russ.)
14. Pilshchikov, I. A. Traditions of "Russian Petrarchism" and sonnets of Petrarch translated by M. Kuzmin. *Mikhail Kuzmin. Literary destiny and artistic environment*. St. Petersburg, 2015. P. 139–157. (In Russ.)
15. Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. Translation strategies of M. Kuzmin in translating Shakespeare. *Nauchnyi dialog*. 2013;12(3):269–290. (In Russ.)
16. Murgatroyd, P. The ending of Apuleius' *Metamorphoses*. *The Classical Quarterly*. 2004;54(1):319–321.
17. Zimmerman, M. Echoes of Roman satire in Apuleius' *Metamorphoses*. *Desultoria scientia. Genre in Apuleius' Metamorphoses and related texts*. Leuven; Paris; Dudley, 2006. P. 87–104.

Received: 30 August 2024; accepted: 23 September 2024